

— Ленинградская правда 1987. — 13 янв

ПРОСТРАНСТВО ПУШКИНСКОЙ СУДЬБЫ

КЕМ-ТО хорошо сказано: надо жить так, словно рядом с тобой — Пушкин. Вероятно, у каждого из нас с этим именем связано что-то глубоко личное, несуетное. И, открывая для себя пространство великой судьбы, мы убеждаемся, что принадлежит она не только истории, но и дню сегодняшнему. Об этом — наш разговор с актером Академического Большого драматического театра имени М. Горького народным артистом СССР Олегом Басилашвили. Из года в год пополняет он свои концертные программы произведениями первого поэта России.

— ПУШКИНСКИЙ гений всеобъемлющ и требует колоссальной работы души, — говорит Олег Валерьянович. — Сейчас вновь и вновь возвращаюсь к поэме «Медный всадник». Чеканные, легкие строфы, кажется, так и льются. Но начинаешь читать вслух и погружаешься в такую бездну сложностей и противоречий, что и следа не остается от обманчивой простоты стиха. Пытаешься докопаться до глубинного смысла, до подтекста и понимаешь, что еще на подступах к «Медному всаднику» необходимо изучить эпоху и подробности жизни поэта, в которой любая мелочь может оказаться ключом к разгадке неясного места.

— Олег Валерьянович, в каком возрасте Вы открыли для себя Пушкина? Не ученически, конечно, а лично... Был ли толчок?

— В детстве, да и в юности я относился к Пушкину как к неизбежному классику, которого надо читать и любить. Все перевернул поэтический вечер во МХАТе еще тех времен, когда было в силе второе поколение великих стариков Художественного. Это был родной дом московской интеллигенции. И вот однажды после спектакля Дмитрий Николаевич Журавлев прочел «Пиковую даму» — и я был буквально ошеломлен. Я даже вообразить не мог, что это может быть так интересно, страшно, интригующе, что может так захватить, разбудить мысль. Гениальное чтение! С этого, наверное, все и началось. Позднее в постижении Пушкина помогали мне и другие мои коллеги: и Иннокентий Смоктуновский, замечательно читающий его лирику, и Сергей Юрский, у которого особенно хорошо получаются шуточные вещи — скажем, «Граф Нулин». Но и «Евгения Онегина» читает он очень по-своему... И с года-

ми Пушкин становился мне все ближе и ближе. И дороже. И проще. И сложнее одновременно.

— Сложнее?

— Да, представьте... Вы, наверное, замечали, как многозначен, многослоен пушкинский стих. Притом ни одна буква у него не может быть переврана. Стоит при чтении нечаянно что-то изменить, как чувствуешь невольное раздражение. В чем дело? Раскрываешь томик — так и есть: другое слово! И только оно может звучать в этом контексте.

— Можете ли Вы сказать, что Пушкин помогает Вам установить контакт со слушателями?

— Увы, далеко не всегда. Хотя я и беру на себя смелость читать стихи Пушкина с эстрады, должен признаться, что никого пока этим чтением по-настоящему не задел.

— Трудно Вам поверить, однако, если это действительно так, то почему?

— Сам пытаюсь в этом разобратся и вино прежде всего себя. Но огорчает порой и поразительная инертность зрительской массы. Объявись Пушкина и видишь, как у многих от тоски глаза идут в затылок. Убежден, что это во многом результат казенного, сухого преподавания литературы в школе, бесконечных скучных разборов, попыток свести многогранную пушкинскую поэзию к удобоваримым примитивным формулам. А ведь при одном слове «Пушкин» у человека должно что-то всколыхнуться в душе. И надо, просто необходимо будить живой, истинный интерес к его поэзии, потому что она — наше бесценное духовное достояние. А сколько современного, жизненно необходимого мы в ней открываем!

— Вы очень скромно оцениваете свои опыты обращения к Пушкину. А вот тем, ко-

му довелось побывать на премьере вокально-поэтической симфонии «Пушкин», Ваша «партия чтеца» помнится до сих пор.

— То был особый случай, и я очень благодарен композитору Андрею Петрову за приглашение участвовать в этой работе. Андрей Павлович сыграл мне свое произведение на рояле, назвал круг стихов, и я сразу загорелся. Все вроде бы шло своим чередом, пока не настал день генеральной репетиции. Когда в Большом концертном зале «Октябрьский» я увидел людей во фраках, с белыми манишками, услышал настраивающийся оркестр, меня вдруг охватила ужас.

— При Вашем-то опыте, Олег Валерьянович!

— Опыт опытом, но я не на шутку испугался, что своим исполнением могу все испортить. На мое счастье, была душевно близкая мне музыка, а за пультом стоял Юрий Темирханов, в облике которого, как мне кажется, есть что-то пушкинское. И когда наступила пауза для моего вступления, я поглядел на дирижера — и он трепетно рукой и глазами передал мне то самое чувство, которое необходимо испытывать, когда читаешь Пушкина.

— Уже не раз Всесоюзный музей Пушкина приглашал Вас принять участие в церемониях на набережной Мойки, 12, но Вы почему-то отказывались...

— Приходил, стоял в кабинете поэта или во дворе. А вот читать стихи Александра Сергеевича, честно признаюсь, духу не хватило. Но, думаю, когда-нибудь все же решусь.

— А какие стихи прочтете?

— «Вновь я посетил», «Талисман» и обязательно — «На холмах Грузии...». С этим стихотворением связано много личного. У меня отец — грузин. Лишь однажды побывал мы с ним на его родине, да не удалось, к сожалению, поездить, посмотреть дорогие места, времени тогда не хватило. Второй раз приехал я в Грузию в составе труппы БДТ. Хотя гастроли в Тбилиси были очень напряженными,

выкроили мы два дня, и очаровательный Додо Алексидзе, возглавлявший тогда Республиканское театральное общество, решил показать нам горы. Долго ехали по Военно-Грузинской дороге. Сделали остановку в Пассанаури: там, как я помнил по рассказам родителей, они побывали в молодости, совершая свадебное путешествие. Вышел пройтись вечером на берег Арагвы, залюбовался горами в красках заката. С грустью подумал, что отца уже нет, а мы так мечтали вместе сюда приехать. И вдруг из этого позднего вечера, из шума реки, из всего, что было на сердце, сами собой возникли строчки:

На холмах Грузии
лежит ночная мгла;
шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко;
печаль моя светла;
печаль моя полна тобою...
Математически точно передано то состояние, то настроение, в котором я была в тот момент.

— Олег Валерьянович, а что если бы мы перенеслись сейчас в Лицей? Любите там бывать?

— Люблю, конечно... Лицей я увидел впервые летом сорок пятого. Город Пушкин был разорен, дворцовые стены пробиты снарядами. А потом и с дочкой мы там бывали. Ксенин сейчас чуть больше, чем мне тогда. И я чувствую, что Пушкин ей чем-то очень близок. Мне приятно, что она и ее подруги воспринимают Пушкина, Дельвига, Пушкина, Кюхельбекера, как своих ровесников. Над Кюхлей тоже посмеиваются. Лицейсты для них — не музейные экспонаты, потому что детским сердцем чувствуют они в их отношениях большую правду, чистоту помыслов.

— Какой же главный нравственный урок извлекли Вы из пушкинских книг, из всей его жизни?

— Урок в том — и мы должны сегодня говорить об этом во весь голос, — что ни одно поколение не может утвердить себя без уважения к таким святым понятиям, как честь, порядочность и совесть. Именно они всегда и везде руководили поступками Пушкина.

Что привело к дуэли на Черной речке? Только ли ревность? Отнюдь нет. Пушкина во всей этой подлой интриге задевало нечто более важное: поправление его гражданской свободы. Это был великий пушкинский поединок за правду и честь... К какой бы сфере творчества Александра Сергеевича мы ни обратились, пусть это будет даже любовная лирика, все равно и она звучит в контексте гражданской ответственности.

— Я вижу у Вас в кабинете много пушкинских книг и научных трудов, посвященных его творчеству. Судя по годам их издания, это, видимо, — семейная реликвия!

— Большинство книг — из маминей библиотеки. Дело в том, что моя мама, доктор филологических наук Ирина Сергеевна Ильинская, большую часть жизни посвятила Пушкину, изучению его языка. Самая крупная из ее научных работ — книга «Лексика стихотворной речи Пушкина», где идет речь о становлении современного русского литературного языка. А еще она интересовалась Баратынским, писала книгу о языке поэтов-декабристов, да вот, к сожалению, не успела закончить.

В старом «маминном шкафу» нахожу и недавно изданную книгу, занимавшую место на пушкинской полке. Это — «Новые материалы к словарю А. С. Пушкина», присланные в дар Олегу Басилашвили сослуживцами его матери. В память о ней Олег Валерьянович и согласился на интервью. И размышления о славе русской поэзии и о деле возвращали нас к сегодняшним проблемам, потому что Пушкин — постоянно с нами. Он — наша совесть, наша тревожная мысль, наш воздух.

Беседу вел
О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС